

WARHAMMER
40,000

THE LITTLE THINGS

SANDY MITCHELL

Мелочи

Главный вестибюль самой дорогой орбитальной гостиницы мог похвастаться толпами

путешественников снующих между кораблями и челноками, стоящими в очередях в

торговые палатки или просто нялящихся на бело-голубой тир по ту сторону

бронехрустальной стены, плавно изгибающейся к причальным терминалам.

Перспектива вновь увидеть Эмберли всегда добавляла бодрости в мою походку, даже не

смотря на то, что удовольствие от её компании зачастую означает, что надо

поучаствовать в неких рискованных для жизни делах, в которых она заинтересована; но в

этот раз она заверила меня, что приглашает просто по-дружески.

Разыскав уличного торговца продающего цветущие хеганты, я купил букет и

направился к

широкому, затощенному тратором
атриуму гостиницы, где лакей,
выраженный как какой-

то навороченный абажур, подтвердил, что
меня ожидают, и проводил к «Её

превосходительству». Утя, которое мне
сказали спросить, было одним из самых

любимых Эмберли псевдонимов -- темная
гворянка с захолустного мира, довольно

близкого, чтобы люди о нем слышали, но
достаточно далекий, что бы о нем что-то
знали

или проявляли интерес. И хоть она и
настаивала на том, что такое ухищрение
было

частью работы Инквизиции, я весьма
подозревал, что она просто наслаждается
этим

притворством.

- Вы рановато, - поприветствовала меня
юная особа, открывшая дверь. Она была
одета

для прогулки, алый плащ скрывал

лазистолет -- я почувствовал у неё
маленькую кобурку,

когда она, проходя мимо, задела меня. --
Босс всё ещё в душе.

- Я собрал это для неё, - сказал я,
наслаждаясь звуками страстного
контральто,

раздающегося из-за стены душевой. Когда я
познакомился с Эмберли, она выдавала
себя за профессиональную певицу, и её
голос очаровывал как никогда. -- А ты куда
собралась?

- Навестить мальчиков внизу, - ответила
Земельда, подразумевая остальную свиту
Эмберли, оставшуюся на планете пог-
нати, если, конечно, я правильно понял её
ломаный Готик. -- Если вы проголодались,
то еда наверху.

- Хеганта, - Эмберли вышла из душевой,
обмотанная полотенцем. -- Тебе не надо
было

это делать.

Это означало, что я, конечно же, должен
был это сделать. Один из принципов

выживания

в бою, который в равной степени относится и к взаимоотношениям между полами, это

уметь обращать внимание на разные мелочи, которые важнее всего остального.

Отблеск

света, выдающий положение засады или сужение глаз сидящего напротив вас за столом

-- вот два момента, когда лучше всего пригнуться.

- Я полню, как ты их любишь, - этими словами я заработал улыбку, знаменующую собой

возможность прекрасно провести остаток вечера.

Но прежде, чем я смог насладиться им в полной мере, в дверь громко застучали и

Эмберли вскинула брови.

- Нетерпеливый посыльный, - сказала она после второго назойливого стука. -- Надо что-то

накинуть на себя. Вы же знаете, как эти

слыжи любят посплетничать.

Посыльный оказался чересчур
настойчивым для такой отличной
гостиницы, где

вежливый, чуть слышный стук был бы
более к месту, и мысленным взором я уже
видел

этого мужчину, открывая перед ним
дверь. Как я и ожидал, его ливрея была
мала ему в

груди, рукава слишком коротки, а брюки
глинны.

- Какие-то проблемы? -- спросил я после
того, как этот тип довольно невежливо
таращился на меня несколько секунд.

- Прошу прощения, съёр, - наконец-то к
нему вернулось самооблагание, - но ваше
лицо

мне знакомо. -- Ну что же, так и должно
было быть; оно было на доброй половине

агитационных плакатов сектора. А
затем он сделал классическую ошибку,
попытавшись

изобразить из себя какого-то крутого

парня: - Я имел удовольствие
прислуживать вам
раньше?

- Если бы это было так, я, будьте уверены,
запомнил бы то, - ответил я, - что вы
работаете официантом лишь последние
пять минут.

Его реакция была точно такой, как я и
ожидал. Он попытался ударить меня
тележкой,

резко толкнув её на меня, но я увернулся,
одновременно вытаскивая лазерный пистолет. Я
подумывал вытащить еще и цепной меч,
но от него был бы такой беспорядок в
номере

Эмберли, что я решил им не пользоваться.
Её бы очень разозлило украшение её
бугуара

внутренностями и прочими телесными
частями тела этого грубияна.

- Давайте сюда! -- заорал он, отбрасывая
всю претенциозность, и пара накачанных
головорезов бросилась к медленно
закрывающимся дверям. Первый,

размахивающий

стаббером, упал от простого выстрела в голову, выронив свое оружие, но второй сумел

уйти с линии огня прежде, чем я смог в него прицелиться. Возле моей головы

просвистела пуля, безвредно засев в гипсовом херувиме ошеломляющего своей

безвкусностью. Липовый посыльный возилась с чем-то внутри своего пиджака, но я

прервал его занятие, врезав ему ногой в грудь. Задыхаясь, он упал на колени и ударом

рукоятки пистолета я отправил его в госпиталь.

Этим тут же воспользовался второй бандит, прицелившись в меня. Я поднимал

лазпистолет, но слишком медленно, видя, как стрелок сжимает палец на курке. Я

вздрогнул, ожидая удара. А затем полотенце обвилося вокруг его запястья, сбивая в

последний момент прицел, а держала его толстая и разозленная Эмберли. И прежде,

чем

он смог прийти в себя, я выстрелил в парня, думая о том, что, по крайней мере, то, что он

видел перед смертью, было незабываемо.

- Они пришли за мной или за тобой? -- спросила Эмберли, поправляя полотенце к некоторому моему разочарованию.

- По всей видимости, из-за твоего псевдонима, - ответил я после того, как быстро обыскал

пиджак псевдо-посыльного. -- Они планировали просить выкуп с её семьи.

- Может и так, - сказала она, пожав плечами. -- Может это просто уловка и мое прикрытие

раскрыто. Мы всё узнаем, как только доставим этого в комнату для допросов.

Она ушла отдавать распоряжения, а я начал поднимать обед, который доставили нам

незадачливые убийцы. Она будет голодной, когда закончит: ведь как я люблю говорить --

это мелочи, с которыми надо считаться

...